

© 1997 г. В.Г. Гак

ОСОБЕННОСТИ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(в сопоставлении с французскими библеизмами)

Фразеологические единицы (ФЕ) библейского происхождения не раз были в последние годы предметом исследования [см. Бирих, Матешич 1994, к статье прилагается небольшая библиография по вопросу, Гак 1993]. В данной статье мы остановимся на двух аспектах проблемы: на соотношении между библейскими фразеологизмами (БФ) и самим текстом Библии и на принципах сравнения БФ в двух языках. Второй аспект позволит выявить определенный алгоритм сопоставления фразеологических единиц (ФЕ) двух языков вообще.

Библия – общий элемент культуры разноразличных обществ – по-разному отражена во фразеологии разных языков. Для выявления специфики библейских фразеологизмов в русском языке целесообразно сопоставить русскую библейскую фразеологию с текстом Библии и с аналогичной по происхождению фразеологией других языков. Мы будем сравнивать русские БФ с французскими. Всякий язык проявляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его. В данном случае таким фрагментом объективной действительности, отображающимся во фразеологии, является сам текст Библии.

Существует два основных фактора расхождений между ФЕ в разных языках: объективный и субъективный.

Объективный фактор – это природные и культурные реальности, свойственные одной стране и отсутствующие в другой. Например, выражения *avoir un coeur d'artichaut; se fermer comme une huître* содержат наименования реальностей (артишок, устрицы), которые более типичны для Франции, чем для России. К объективным факторам следует отнести также структурные особенности языка, в силу которых данная номинация принимает форму слова в одном языке и ФЕ – в другом.

Субъективный фактор заключается в самой произвольной избирательности, когда одни и те же реальности, равно свойственные двум цивилизациям, трактуются по-разному во фразеологии двух языков. Например, дрозд (франц. *merle*) живет и во Франции и в России, но во французском языке имеются ФЕ с названием этой птицы (*merle blanc, siffler comme un merle, faute de grives, on mange des merles*), тогда как русской фразеологии эта птица неизвестна.

Оба отмеченных фактора оказывают существенное влияние на специфику библейской фразеологии в каждом данном языке.

А. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ БФ И ТЕКСТОМ БИБЛИИ

В каждом языке проявляется своеобразное соотношение между фразеологией и текстом Библии. В этом плане можно отметить пять оппозиций. Отдельные БФ могут быть предметом одновременно нескольких оппозиций.

1. **Контекстуальные / ситуативные БФ.** С точки зрения соотношения с текстом Библии БФ делятся прежде всего на две группы: **цитатные (контекстуальные)** и **ситуативные**. В первом случае ФЕ представляет собой элемент текста,

иной раз несколько измененный. Так *Камень преткновения* *La pierre d'achoppement* встречается дважды в тексте Библии (Ис 8,14; Рим 9,32¹). Во втором случае выражение в соответствующей форме в Библии может отсутствовать, но оно репрезентирует определенную ситуацию, описание которой в Библии может занимать даже несколько глав. Например, общеизвестное выражение *Ноев ковчег* *L'arche de Noé* не встречается в Библии, однако оно резюмирует ситуацию, рассказанную в Быт 6–7.

Вместе с тем следует отметить, что между этими типами БФ нет жесткой разграничительной линии. Контекстуальные БФ могут подвергаться различным трансформациям количественного порядка (усечения и добавления) или качественного (замена слов и грамматических форм), так что БФ из контекстуального превращается в ситуативный, выступая как символ определенной ситуации, описываемой в Библии. Например, русский БФ *Сучок в чужом глазу замечать* представляет собой усечение евангельской цитаты *Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?* (МФ 7,5) с одновременными лексическими заменами: *смотреть на* – *замечать*; *глаз брата твоего* – *чужой глаз*: нередко сучок заменяется *соломинкой*. Во французском языке этому БФ соответствует *Voir une paille dans l'oeil du prochain et ne pas voir la poutre dans le sien*. Однако чаще эта ситуация обозначается более кратким выражением: *C'est la paille et la poutre* (букв. "Это соломинка и бревно"), что можно рассматривать уже как ситуативный БФ. Тем не менее различие между двумя типами БФ существенно. Во-первых, в силу причин, о которых будет сказано ниже, в русском языке значительно больше цитатных БФ, чем во французском. Во-вторых, ситуативным БФ больше, чем контекстуальным, свойственны расхождения во внутренней форме.

2. *Н а л и ч и е / о т с у т с т в и е* конкретного БФ в языке. Существуют десятки БФ, аналогичных в двух языках: *Le fruit défendu* *Запретный плод* (Быт 2,12); *Le colosse aux pieds d'argile* *Колосс на глиняных ногах* (Дан 2,31–35); *Ne pas laisser pierre sur pierre* *Не оставить камня на камне* (Мк 13,22); *Jeter la pierre à qn* *Бросать камень в кого-л.* (Ин 8,7) и многие другие.

Однако имеется немало случаев, когда данная библейская ситуация отобразилась в виде ФЕ в одном языке и не закрепились в другом. Как отмечалось выше, подобные различия объясняются двумя причинами: общей избирательностью и историко-культурными факторами.

Избирательность может быть проиллюстрирована следующими примерами: В русском языке есть БФ *Содом и Гоморра*, резюмирующий ситуацию, описанную в Быт 19, 24–25, и имеющий два значения: 'шум, беспорядок' (более частое) и 'разврат, распущенность' (менее употребительное). Во французском языке эти слова в качестве ФЕ не закрепились, и их использование в названии романа М. Пруста "*Sodome et Gomorrhe*" является индивидуальным авторским употреблением (писатель связал эти слова с понятием 'содомский грех'). Русское *Содом и Гоморра!* (иногда в усеченной форме: *Содом!*) может обозначать интенсивность чего-либо нежелательного. Здесь подтверждается семантический закон, согласно которому завершением семантического развития слова становится выражение чувства или интенсивности. Например: – *Ну и мух у вас, Прокофий! Он оживленно подхватывает:* – *Мух! Содом! Я их с утра до вечера мну, великие тысячи помал* (Бунин. "Мухи"). Французская синтагма *Tout don excellent* не является ФЕ, в то время как его русский аналог *Всякое даяние благо* (Иак 1,17) представляет собой весьма употребительный фразеологизм.

С другой стороны, известная евангельская притча о хозяине и работниках закрепились во французском языке в ситуативной ФЕ *Les ouvriers de la onzième heure*

¹ Указания на места в Библии даются на русском языке в принятых сокращениях. БФ начинаются с прописной буквы.

(Мф 20,6), букв. "работники одиннадцатого часа", обозначающей тех, кто приходит, когда работа почти уже сделана. В русской фразеологии эта притча не получила отражения.

Вот характерный пример избирательности при формировании БФ. В Евангелии говорится: *Никто не может служить двум господам (...). Не можете служить богу и маммоне.* (Мф 6,24). Из двух синонимичных фраз стиха во французскую фразеологию перешла первая: *On ne peut servir deux maîtres à la fois.* в русскую – вторая (в несколько измененном виде). Можно привести еще ряд фразеологизмов библейского происхождения, представленных во французском языке и отсутствующих в русском: *Traversée du désert*, букв. "переход через пустыню" – реминисценция известной ситуации, описанной в "Исходе" – означает период трудностей и забвения, предшествующий триумфу; *Pleurer comme une Madeleine* (Лк 7,37–47), букв. "плакать как Магдалина" – *заливаться горячими слезами*; *On ne meurt qu'une fois* (Евр 9,27), букв. "Умирают только один раз", ср. *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*; *Pêche miraculeuse* (Лк 5–11), букв. "Чудесная рыбная ловля" в значении 'неожиданная удача': *Monter sur la brèche* (Иез 13,8), букв. "входить в пролом" в значении 'быть на посту: сражаться в самом опасном месте' и другие. Можно заметить, что многие из этих выражений представляют собой ситуативные БФ, хотя возможны и контекстуальные, например *Semer la zizanie* (Мф 13,25) "сеять плевелы", то есть "сеять раздор": *Sortir par le nez* (Чис 11,20), букв. "выходить через ноздри", т.е. "вызывать отвращение".

Наряду с субъективной избирательностью, в асимметричном отборе БФ в разных языках могут проявляться чисто языковые и, как отмечалось выше, культурные факторы.

К первым относится прежде всего то, что фразеологизму в одном языке может соответствовать в другом одно слово, которое формально не может быть отнесено к фразеологическим единицам. Например, французскому и русскому БФ *Козел отпущения* *Le bouc émissaire* (Лев 16,21–22) в немецком соответствует сложное слово *Der Sündenbock*.

Можно выделить три причины культурного порядка, способствующие тому, что тот или иной БФ существует в русском языке и отсутствует во французском.

1) Наличие единственного общепринятого перевода Библии. Существование во Франции нескольких конкурирующих вариантов Библии явилось помехой для фиксации формы выражения. Может быть с этим связано относительно большее тяготение французского языка к ситуативным, а не контекстуальным БФ. Даже во французских сборниках крылатых слов пользуются разными переводами. Например, Болонь (Bologne 1994) основывается на Экуменической Библии (1971) с привлечением вариантов из других современных переводов, тогда как Герлак (Guerlac 1961) использует переводы Леметра де Саси (17 век) и в отдельных случаях – Сегона (начало 20 в.). В русских же текстах все ссылки даются по Синодальному изданию (1876 г.).

2) Закрепление выражений в качестве ритуальных формул. Таково выражение *Тайна сия велика есть* (Еф 5,32), которое произносится во время православного обряда бракосочетания. Соответствующая французская фраза *Ce mystère est de grande portée* не является фразеологизмом.

3) Язык богослужения. Это – важнейший историко-культурный фактор в фиксации БФ. Во Франции богослужение велось в течение многих веков на латинском языке, в России – на церковнославянском, на этих языках были вначале и составлены переводы Священного Писания. Но французский язык был уже структурно далек от латинского, из него могли быть усвоены лишь отдельные слова и речения. Уже на Турском соборе 813 г. было постановлено читать проповеди на "простонародной романской речи", так как латынь стала непонятна верующим. Иная языковая ситуация была в России. "Церковнославянский язык был гораздо более

близок и понятен широким массам России, чем латынь – массам Европы" [Винокур 1990: 91]. Е.М. Верецагин уточняет эту ситуацию в приложении к переводам Библии: "Что касается Библии на русском языке, то, открывенно говоря, в ней длительное время не было надобности. Церковнославянский язык и сейчас, при условии минимальной начитанности, достаточно понятен" [Верецагин 1993:70]. Близкий к русскому языку, церковнославянский язык легко взаимодействовал с ним. К тому же он играл большую роль в обучении грамоте. М. Горький пишет в "Детстве" (а он воспитывался у деда в обычной мещанской семье), что его обучение началось с заучивания молитв на церковнославянском языке; не понимая слов, он переиначивал их, стараясь найти в них скрытый смысл (*Яко же – Яков же, я в коже*). Затем дед учил его славянской азбуке. Первая прочитанная им книга была псалтырь. И только позже его стали обучать гражданской азбуке. Обороты из церковнославянского языка были постоянно в памяти русского человека: он видел их в книгах, он слышал их во время литургии. Тот же Горький рассказывает, что служивший конюхом у его деда дядя Петр "тоже был грамотен и весьма начитан от писания" (М. Горький. "Детство"); между ним и дедом возникали споры даже грамматического характера: надо ли говорить *согрешихом, беззаконовахом* или *согрешиха, беззаконоваха*. Фактически в те времена в русском обществе имели место элементы церковнославянско-русского двуязычия: люди охотно вкрапливали славянизмы в свою речь, переходили с одного языка на другой. Так Чехов в "Рассказе неизвестного" пишет, что некий действительный статский советник, "карьерист из молодых" Кукушкин имел "неприятную претензию щеголять церковнославянскими текстами". Неприятной эта манера казалась, видимо, потому, что этот персонаж вставлял возвышенные слова в пошлый разговор. Яркий пример "переключения кода" (code-switching), перехода от одного языка к другому приводит Л. Толстой в "Отце Сергии". Какой-то купец просит отца Сергия вылечить его дочь: – *Слабости она особой не имеет и корпусна, а только нерастѣниха... Если бы ныне отец Сергий приказал привести ее, я бы духом слетал. Отец святой, оживите сердце родителя, восстановите род его, – молитвами своими спасите болящую дочь его*. Характерно, что Толстой дает к этой сцене такой комментарий: Он (купец) это сделал и сказал так, (...) как нечто ясно и твердо определенное законом и обычаем, как будто именно так, (...) надо и должно просить об исцелении (...). И о. Сергию показалось, что все это именно так и должно говорить и делать (там же). Мы видим, с какой естественностью купец от просторечных форм переходит к церковнославянским и что у церковнославянских форм была понятная для говорящих коммуникативная функция.

Многие библейские славянизмы включались в русскую речь не только в силу выражаемого ими значения, но и из-за их своеобразной языковой формы. Это были своего рода церковнославянские цитаты в русской речи, и они остались в ней в качестве фразеологизмов. Именно из библейских славянизмов вербовались в русском языке многие контекстуальные фразеологизмы. Соответствующие французские обороты образовывали ФЕ, поскольку они не представляли интереса ни с содержательной, ни с формальной стороны. Показательно, что в русских переводах Библии мы находим более современные варианты, которые не воспринимаются как ФЕ. Например, известное выражение, фигурирующее во всех словарях русского языка, *ничтоже сумняшеся* (Иак 1,6) представляет собой подобный **фразеологизм формы**, цитату из церковнославянского текста. Его французский библейский эквивалент *sans hésitation*, так же как и вариант в русском Синодальном переводе *ни мало не сомневаясь*, не является ФЕ. То же обнаруживается и в следующих триадах (церковнославянское выражение – фразеологизм, русский и французский переводы – не ФЕ):

Яко тамъ в нощи (1 Фес 5,2) – *Как тамъ ночью* – *Comme un voleur en pleine nuit*;

Власти предержащие (Рим 13,1) – *Существующие власти* – *Autorités en charge*.

Французская фраза *Vous serez la fable de tous les peuples* и русская *И будешь ты ужасом, притчею и посмешищем среди всех народов* (Втор 28,37) не является идиома-

тическим выражением, тогда как вариант *Быть притчей во языцех* – ФЕ (слово *языцех* имеет старославянские форму и значение 'народы').

Разумеется, во французском языке имеются ФЕ, употребляющиеся в латинской форме, которым в русском языке могут соответствовать славянизмы: *Ecce homo* Се человек (Ин 19,5); *Nunc dimittis* Ныне отпускаеши (Лк 2,29); *Non possumus* (Деян 4,20) "мы не можем" (в русском языке это не отложилось в качестве ФЕ) и другие, но в целом их гораздо меньше, чем церковнославянских цитат среди русских БФ.

Таким образом, вследствие особой роли церковнославянского языка в русской культуре, в русском языке относительно больше цитатных БФ.

3. *Первичные / вторичные БФ*. Первичные БФ непосредственно отражают библейский текст или ситуацию. К ним относится подавляющее большинство БФ, в том числе все те, что упоминались выше. Вторичные БФ лишь отдаленно связываются с текстом Библии. Возьмем, например, выражения, включающие слова *Адам* и *Ева*. Об Адаме и Еве в Библии говорится, что это были первые люди, что они не носили одежды. Они символизируют также мужчину и женщину вообще. Поэтому выражения типа *Со времен Адама и Евы*; *В костюме Адамы (Евы)*; *Дочь Евы*; *Адамово яблоко* могут быть характеризованы как первичные, соотносящиеся с определенными ситуациями Библии. Но вот французские БФ, обозначающие руку, "пятерню", отсутствие нужного орудия: *Le peigne d'Adam, la fourchette d'Adam, le mouchoir d'Adam* (букв. "гребешок, вилка, носовой платок Адама"), являются вторичными, они развивают идею 'в костюме Адама', хотя в тексте книги не говорится, что Адам и Ева ели или причесывались руками. Также и ФЕ *Etre frère du côté d'Adam*, букв. "быть братом со стороны Адама", т.е. *десятой водой на киселе*; *N'avoir pas péché en Adam*, букв. "не грешить как Адам" т.е. 'быть верхом добродетели'. Среди русских БФ подобных единиц меньше, чем среди французских.

4. *Непосредственные / опосредованные БФ*. Первые восходят непосредственно к Библии, на других лежит печать заимствования из другого языка или творчества отдельных авторов. Так, БФ *В костюме Адама* вошло в русский язык, видимо, через французский, как об этом свидетельствует слово *костюм*. По-видимому, и БФ *Люди доброй воли* представляет собой перевод французского *Hommes de bonne volonté*, которое является в свою очередь воспроизведением латинского текста знаменитого пения ангелов, славящих рождение Иисуса (Лк 2,14): *Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonis voluntatis*. В Синодальном тексте этому соответствует "...и на земле мир, в человеках благоволение". Библейское выражение *А ты кто, который судишь другого?* (Рим 14,4) укрепило в русском языке в форме *А судьи кто?* – цитаты из "Горя от ума" А. Грибоедова. В подобном случае библеизм сближается с писательской реминисценцией.

5. *Прямые / переосмысленные БФ*. В последнем приведенном примере преобразование библейской цитаты касалось только ее формы, но не содержания. Однако нередко при сохранении (в целом) формы изменяется значение библейского выражения. Семантическая трансформация способствует фразеологизации библейского словосочетания. Например, упомянутые выше два французских БФ изменили свое значение в процессе фразеологизации. В притче о работниках в винограднике (Мф 20) хозяин заплатил по динарию и работникам, которых он нанял с утра, и тем, которых он нанял в одиннадцать часов, поскольку он так договаривался с теми и другими. При расчете пришедшие раньше стали роптать, поскольку они проработали больше, хотя и получили обещанное. Притча направлена против зависти и вместе с тем указывает, на более высокое философском уровне, что всякий, примкнувший к вере Христа, получает равную благодать, независимо от времени обращения. Однако во французском языке выражение приобрело иное значение: "работник одиннадцатого часа" обозначает человека, примкнувшего к делу, когда оно почти уже завершилось (ср. русск. "придти к шапочному разбору"). Здесь в основе сдвига значения лежит метонимия.

Евангельская притча направлена против зависти, современное выражение – против лени и устранения от общего дела. Выражение *Traversée du désert* появилось в 1960-е годы для обозначения периода 1952–58 гг., когда де Голль оставил руководство страной, отошел от политической жизни, а затем вернулся к власти. Здесь выражение претерпело метафоризацию.

В русском языке переосмыслению может способствовать наличие в БФ церковнославянизмов, первоначальное значение которых забывается. Так произошло с выражением *Тьма кромешная* (Мф 22,13), которое поначалу указывало на "внешнюю тьму", куда ввергали грешников, а теперь обозначает беспросветную темноту. Соответствующее место во французском тексте (*les ténèbres extérieures*) не имеет статуса ФЕ. В русском языке *кромешный* стало показателем крайней интенсивности (*ад кромешный* и др.). Иногда переосмысление при фразеологизации менее явно. Например, известный БФ *Глас вопиющего в пустыне* (Ис 40,3) в Библии обозначает предупреждение, обращение внимания на важное явление, а в современном фразеологическом употреблении значит 'напрасный призыв; призыв, остающийся без ответа'.

Давно замечено, что сакральное имеет тенденцию к десакрализации. Многие священные формулы, цитаты из священных книг, названия предметов культа в различных языках превращаются в иронические речения и даже в бранные слова. Такова судьба франц. *sacré* ('священный' → 'проклятый'), русск. *блаженный*. Такая же судьба бывает и у библейских цитат. Во французском варианте псалма 22.2 говорится: *Le Seigneur m'a établi dans un lieu abondant en pâturages*. В русском переводе мы читаем: *Он (Бог) покоит меня на златных пажитях*. Слово *златный* в сочетании *златное место* приобрело иронический оттенок: выражение значит 'место разврата'.

Переосмысление библеизма может быть результатом писательской деятельности. Яркий пример этому дает ФЕ *Башня из слоновой кости*. В "Песне песней" шея возлюбленной сравнивается со столпом из слоновой кости (Песн 7,5), во французском переводе с башней из слоновой кости (*la tour d'ivoire*). Французский критик Сент-Бев использовал это выражение (в 1837 г.) при характеристике поэта А. де Виньи, отошедшего от активной деятельности. Метафоризации выражения во французском языке способствовало, возможно, то, что в средние века башни замков нередко были убежищем для затворников. Понятие "столп", используемое в русском переводе не подходило бы для подобной метафоры. Французское выражение было усвоено в новой форме и с новым значением.

Б. СОПОСТАВЛЕНИЕ БФ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Это сопоставление целесообразно проводить в **семантическом** плане, различая расхождения в плане содержания, в плане выражения и в плане функционирования. Что же касается плана выражения, то анализируется три его аспекта: его внешняя форма, внутренняя форма, и его соотношение с планом содержания. Таким образом, можно предложить алгоритм сопоставительного анализа БФ, который может быть распространен на другие ФЕ. Этот алгоритм включает пять этапов или шагов анализа.

На первом этапе ФЕ рассматриваются в аспекте **содержания, значения**. Выявляется, имеются ли ФЕ с данным значением в обоих языках. На дальнейшем этапе исследуются только ФЕ одинакового значения, представленные в обоих сравниваемых языках.

На втором этапе анализируются расхождения и схождения аналогичных ФЕ в их **внешней форме**. Различия могут касаться лексической и грамматической структуры фразеологизмов.

На третьем этапе ФЕ сопоставляются с точки зрения их **внутренней формы**.

Четвертый этап посвящен анализу **соотношения между формой и содержанием** аналогичных ФЕ в двух языках.

Наконец, пятый этап касается **функционирования** аналогичных ФЕ. Функционирование охватывает в свою очередь два аспекта: **частотность**, употребительность данных ФЕ и структурно-семантическую **деривацию** – образование новых форм или новых значений от данного БФ.

1. Сопоставление в аспекте **с о д е р ж а н и я** было представлено выше, когда рассматривались случаи отсутствия БФ в одном из сравниваемых языков вследствие того, что данное выражение по той или иной причине подверглось фразеологизации только в одном из них или же данное значение не нашло отражения в языке в виде БФ.

2. Сопоставление БФ в плане их **в н е ш н е й** **ф о р м ы** касается единиц, представленных в обоих языках. Расхождения во внешней форме могут иметь **к о л и ч е с т в е н н ы й** или **к а ч е с т в е н н ы й** характер.

В первом случае лексико-грамматические расхождения проявляются в добавлении или опущении слова и в связанных с этим трансформациях в структуре предложения: *Pays de lait et de miel* (букв. "земля молока и меда") *Земля, г д е т е ч е т м о л о к о и м е д*; *Земля, к и п я щ а я м л е к о м и м е д о м* (Исх. 3,8); *Marque au front de Caïn* (букв. "печать на лбу Каина") *Каинова печать* (Быт 4). Слова могут быть опущены или добавлены без ущерба для общего смысла высказывания в силу их семантической избыточности в данном случае.

Расхождения качественного характера проявляются в использовании различных грамматических форм и слов.

Что касается **г р а м м а т и к и**, то наиболее часто отмечаются различия временных планов. Например: *Qui sème le vent récolte* (или: *moissonne*) *la tempête* и *Кто сеет ветер, пожнет бурю* (Ос 8,7) – во французской ФЕ глагол в настоящем времени, в русской – в будущем. Это объясняется тем, что в силу известных особенностей русского глагола, в сенцентальных высказываниях общего значения в русском языке часто используется будущее время.

Большой интерес представляют **л е к с и ч е с к и е** **р а с х о ж д е н и я**. Логические отношения между номинациями при лексических расхождениях могут принимать форму равнозначности (синонимии), смещения, включения.

а) **С и н о н и м и я** проявляется прежде всего в использовании разных стилистических синонимов.

И русский, и французский слог Библии представляется торжественным, приподнятым, но формируется этот слог различно. В русском языке это происходит в значительной степени за счет архаизмов и единиц стилистически повышенной лексики, которые вошли в русский язык именно благодаря переводам Библии. Во французском языке таких пластов лексики практически нет: Библия содержит обыденные нейтральные слова. «"Высокий стиль" во французском языке зависит не столько от употребления высоких слов, сколько от неупотребления слов и конструкций разговорных, снижающих. В этом смысле французский "высокий слог" понятие, в основном, негативное». [Эткинд 1963:204]. Поэтому нередко в БФ французскому нейтральному слову, которое можно встретить в любом стиле, в русском варианте БФ соответствует архаическое слово, либо синоним, относящийся к поэтическому стилю. Нередко эти слова по своему происхождению являются заимствованиями из церковнославянского текста Библии. Например: *Il n'est pas de ce monde* *Он не от мира сего* (Ин 18,36); *Cherchez et vous trouverez* *Ищите и обряцете* (Мф 7,7); *Le buisson ardent* *Неопалимая купина* (Исх 3,2); *La Terre promise* *Обетованная земля* (Евр. 11,12); *La droite de Dieu* *Десница божья* (Исх 15,6); *Comme la prunelle de ses yeux* (*Бережь*) *как зеницу ока* (Втор 32,10); *Une brebis égarée* *Заблудшая овца* (Мф 18,12). Французское слово *égaré* может быть употреблено и в прямом смысле (например, *des touristes égarés*), в русском же языке имеет место дифференциация: в прямом значении употребляется *заблудившийся*: *заблудившиеся туристы*; *заблудший* – только в переносном (например, *заблудшие души*).

Иногда целые сентенции в русском языке употребляются в церковнославянской форме, тогда как их французские аналоги – в формах современного языка. Ср. *A chaque jour suffit sa peine* и *Довлеет днєви злѡба єго* (Мф 6,34); *Donne-nous notre pain quotidien* и *Хлєб наш насущный даждь нам днєсь* (Мф 6,11). В русском языке возможны два стилистических варианта: *Строить на песке* или *на песце* (Мф 7,26); *Глас или голос вопиющего в пустыне* (Ис 40,3). Во французских БФ возможны синонимы, объясняющиеся различными переводами, но принадлежащие к одному стилю, например, *L'enfant (le fils) prodigue* (Лк 15,11–32), для русских БФ более характерна стилистическая синонимия.

Возможность иметь два варианта – возвышенный и нейтральный – может быть использована в русском языке в стилистических целях. Французскому выражению *Le veau d'or* (Ех 32) может соответствовать и библеизм *Златой (золотой) телец* (Исх 32,1–35) и нейтральное *Золотой теленок*, употребленное иронически в заглавии романа Ильфа и Петрова (во французском переводе смысловое столкновение этих вариантов остается неотраженным).

б) *С м е щ е н и е* заключается в том, что в разных вариантах БФ используются слова, обозначающие соподчиненные понятия. Например: *L'obole de la veuve* и *Лепта вдовицы* (Лк 21,1–4) (*обол* и *лепта* – названия разных монет); *Rien de nouveau sous le soleil* и *Ничто не ново под луною* (Еккл 1,9–10); *солнце* и *луна* – названия двух светил; в русском варианте *луна* закрепилась благодаря стихотворению Н.М. Карамзина "Выбранные места из Екклезиаста" (1797 г.) [Ашукин, Ашукина 1960:417]. Своеобразный случай смещения наблюдается в БФ *Посылать от Понтия к Пилату* по сравнению с *Etre renvoyé de Pilate à Hérode* (Лк 23,7–11) (замена одного имени человека другим).

в) Логические отношения *включения* могут иметь две разновидности: *гипер-гипонимические* (родовой термин – видовой термин, согласно иерархии "быть") и *меронимическое* (целое – часть, соответственно иерархии "иметь"). Первый тип отношения может быть проиллюстрирован примером *Vendre contre un plat de lentilles* и *Продать за чечевичную похлебку* (Быт 25,34). Во французском варианте использован гипероним *plat* – "блюдо вообще", без уточнения его характера, в русском – гипоним *похлебка* (разновидность блюда). Меронимия (часть – целое) представлена в БФ *В note лица своего* (Быт 3,19) и *A la seuer de son front* (букв. "своего лба": лоб – 'часть лица'). Можно отметить, что эти два примера соответствуют общим тенденциям номинации в русском и французском языках. Во французском тексте относительно больше гиперонимов, в русском – слов, указывающих на целое [Гак 1977:97, 137].

3. Многие БФ характеризуются расхождениями во *внутренней* форме. Внутренняя форма есть признак предмета, положенный в основу наименования. Этот вид межъязыковых расхождений свойствен прежде всего ситуативным ФЕ. В разных языках в качестве основы номинации могут быть избраны различные черты одной и той же ситуации, в силу чего и образуются разные по внутренней и внешней форме БФ. Ужин Христа с учениками был их последним и тайным свиданием. В английском и испанском обозначениях этого события актуализируется первая черта: *The last supper*; *La última cena*, в русском – вторая: *Тайная вечеря*. Младший сын из притчи (Лук 15, 11–32) оставил отчий дом, отправился бродяжничать, промотал свое состояние. В русском языке он назван по первому признаку: *Блудный сын*, во французском по второму: *le fils prodigue*, букв. "сын-расточитель". Во внутренней форме немецкого эквивалента отражено отношение к этому сыну со стороны отца: *Der verlorene Sohn* (сын был потерян для отца). Пожалуй, из трех обозначений наиболее близко к глубинной сути притчи немецкое, ибо главным персонажем истории является не сын, а отец, и основная моральная проблема заключается в том, как следует относиться к ушедшему и вновь обретенному сыну и, в философском плане, к отпавшим и воз-

вратившимся адептам веры. Также внутренней формой различаются БФ: *Jusqu'au jugement dernier* и *До страшного суда* (Мф 10,15). Христос шел на Голгофу, неся свой крест. Разные аспекты этой ситуации отразились в синонимичных БФ *Monter (gravir) son Calvaire*, букв. "подниматься на Голгофу" и *Нести свой крест. Porter sa croix* (Ин 19,7).

4. Расхождение в соотношении формы и содержания проявляется в их асимметрии: одно и то же выражение приобретает в разных языках различные значения (многозначность) и, напротив, одна и та же ситуация описывается выражениями, различными по своему составу (синонимия).

В первом случае мы можем столкнуться с "ложными друзьями переводчика": аналогичный по форме БФ имеет семантические различия в двух языках. Таковы *l'abomination de la désolation* (Мф 24,15) и *Мерзость запустения*. Если русская ФЕ обозначает прежде всего 'запустение, разорение', то французский аналог может обозначать 'великий грех, скандальное явление' (иногда с оттенком иронии).

Второй случай (синонимия) проявляется в разных ФЕ, имеющих общее значение. Например, неожиданное изменение убеждений обозначается по-французски *Le chemin de Damas* (Деян 9); букв. "дорога в Дамаск" и по-русски *Превращение Савла в Павла* (По дороге в Дамаск будущий ап. Павел имел видение и резко изменил свою веру). Это различие в БФ двух языков может быть интерпретировано, как отражение различных аспектов одного и того же события.

5. Различия в ф у н к ц и о н и р о в а н и и БФ проявляются прежде всего в частотности употребления их в речи на разных языках. Можно отметить общую частотность употребления БФ: наблюдения позволяют сделать вывод, что в русской классической литературе БФ в целом употреблялись чаще, чем во французской. Частично это может быть объяснено наличием многих фразеологизмов формы, о которых говорилось выше. Однако в современной журналистике французские авторы сравнительно чаще прибегают к образам и формулам Священного Писания. Выше приводились примеры БФ, которые французские авторы "пустили в оборот" в последнее время (*Traversée du désert* и др.). Можно отметить также различную частотность отдельных БФ. Так, французское *La saint des saints* не имеет такой частотности, диапазона употреблений и смысловых оттенков, как русское *Святая святых* (Исх 26,34). См. многочисленные примеры в [Бабкин 1970: 151–157].

Другой аспект функционирования БФ – их с т р у к т у р н ы е и с е м а н т и ч е с к и е д е р и в а т ы. Структурный дериват – это производная от первоначальной формы выражения структура, которая получает самостоятельную жизнь в языке. См. выше пример с французским БФ *La paille et la poutre*.

При семантической деривации отделившийся от БФ элемент приобретает новое значение, отсутствующее в другом языке. Русское *Вавилонское столпотворение* (Быт 11,1–9) и французское *La tour de Babel* – аналогичные ситуационные ФЕ. Но в русском выражении ведущим оказалось слово *столпотворение*, прилагательное *вавилонское* нередко опускается. В современном языке *столп* – архаизм, слово *столпотворение* ассоциируется скорее со словами *столпиться*, *толпа*. Основное значение ФЕ – 'суматоха, беспорядок'. Во французском выражении ведущий компонент – *Babel*, слово *tour* часто опускается, *une babel* может обозначать не только шумное собрание или языковое непонимание, но и путаницу, без участия шума: *une babel de couloirs* "путаница коридоров". Таким образом, два выражения, восходящие к одному источнику, претерпели в разных языках различные структурные и семантические трансформации.

В обоих языках есть выражение *Египетские казни* (Исх 7–12) *Lex (dix) plaies d'Égypte*. Во французском языке оно породило метафору: *Quelle plaie!* Чистое наказание (о чем-либо или о ком-либо неприятном), в русском ряд БФ: *Тьма египетская; Египетский труд* (со значением интенсивности).

В процессе функционирования БФ могут приобретать более широкое значение, либо более специфическое, нередко шутливое, ироническое. Например, в русском языке БФ *Великий охотник перед господом* (о Немвроде, Быт 10,9) применяется обычно по отношению к охотникам. Французский производный фразеологизм *Grand ...devant l'Eternel* может употребляться иронически или с симпатией о любом человеке, выдающемся в своей области. *Travailler dans la vigne du Seigneur* (Ис 5,1–7) *Трудиться в вертограде Господнем* значит 'трудиться в лоне церкви'. Однако во французском языке на базе этого выражения возникла шутливая ФЕ *Tomber dans la vigne du Seigneur* 'сильно напиться' (букв. "попасть в виноградник господень"). Здесь слово *vigne* ("виноградник") употреблено в своем прямом значении.

В заключение остановимся еще на одном аспекте ФЕ библейского происхождения. Носители языка не всегда четко производят атрибуцию употребляемого выражения. Здесь возможны ошибки двоякого плана: либо БФ приписывают иному источнику, либо в число БФ включаются выражения, не имеющие отношения к Библии. В России это объясняется, по-видимому, тем, что в течение десятилетий у говорящих не было контакта с библейскими текстами.

Ошибка первого рода допустил в своем выступлении один советский писатель на Съезде Народных депутатов, который сказал: «Как гласит французская пословица. "Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина..."». Но это – не французская пословица, а известное место из Библии (Иез 18,2).

Неточность противоположного свойства содержится в словаре крылатых слов [Ашукин, Ашукина 1960: 354]. Здесь утверждается, что выражение *Мертвая буква* взято из 2 Кор 3,6. Оно иллюстрируется двумя примерами, в одном из которых представлена ФЕ *Дух, а не буква*, в другом – *Мертвая буква* (в административном документе). В послании ап. Павла (2 Кор) говорится: *Он дал нам способность быть слушателями Нового Завета, не буквы, а духа: потому что буква убивает, а дух животворит*. Однако выражения *Мертвая буква*, *Стать мертвой буквой* происходят не от этой библейской цитаты, а являются переводом французского выражения *Lettre morte*, восходящего к 16 веку и употреблявшегося в юридических текстах для обозначения недействительного, потерявшего силу положения. Приведем еще один пример. В "Независимой газете" (июнь 1997 г.) один ведущий научный сотрудник Института философии НАН Украины сказал: *Мне кажется, что ныне, в условиях возникновения двух новых государств, старая библейская истина – мертвый хватает живого – как нельзя более актуальна*. В Библии можно найти изречения, призывающие к перемене, к обновлению взглядов, например, *Совлечь с себя ветхого Адама (человека)* (Еф 4,22), но выражение *Мертвый хватает живого* не имеет к ней отношения: оно восходит к французской юридической максиме, сформулированной юристом де л'Оммо (в 1614 г.) и означавшей, что с момента смерти какого-либо лица его наследник автоматически становится владельцем его имущества [Rey. Chantreau 1993: 528].

Конечно, тот факт, что Библии приписывают высказывания, которых в ней нет, свидетельствует о ее великом престиже. Но еще больше говорит о значении этой книги для развития духа народа и его языка то, что огромное число библеизмов утратили связь с текстом и настолько вошли в плоть русского и других языков, что уже не ощущаются как библеизмы.

Например, *Проливать потоки слез* (Пс 118,136); *Сидеть сложа руки* (Еккл 4,5); *За кусок хлеба* (Притч 28,2); *Тринадцать за столом* (Мф 26); *(Ему) ни тепло ни холодно* (Откр 3,16); *Каменное сердце* (Иез 36,26); *Направо и налево* (Зах 12,6); *Попасть в собственную ловушку* (Притч 11,6); *Капля в море* (Сир 18,10); *Как один человек* (Суд 20,1); *Будь человеком* (1 Цар 2,2); *С неба упасть* (Исх 16,15); *(На нем одна) кожа да кости* (Пс 101,6) и многие, многие другие.

В сравнении с французским языком в русском больше цитатных БФ, сами БФ менее вариативны и дают меньше производных, но они употребительны во всех стилях речи.

- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. 1960 – Крылатые слова. М., 1960.
- Бабкин А.М. 1970 – Русская фразеология. Л., 1970.
- Бирх А., Матейвич Й. 1994 – Из истории русских библейских выражений // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6.
- Верещагин Е.М. 1993 – Почему Библия называется Библией и сколько в ней книг // Азия и Африка сегодня. 1993. № 7.
- Винокур Г.О. 1990 – Филологические исследования. М., 1990.
- Гак В.Г. 1977 – Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- Гак В.Г. 1994 – Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках) // Научные труды МГПУ им. В.И. Ленина. Сер. Гуманитарные науки. М., 1994.
- Эткинд Е.Г. 1963 – Поэзия и перевод. М.; Л., 1963.
- Bologne J.-Cl. 1994 – Les Allusions bibliques. Dictionnaire commenté des allusions d'origine biblique. P., 1994.
- Rey A., Chantreau S. 1993 – Dictionnaire des expressions et locutions. P., 1993.